

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 1(091)

ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ В ГЕРМАНИИ

А.В. Горобий

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

История понятий – особое течение гуманитарной мысли, возникшее во второй половине XX в. как попытка немецких интеллектуалов найти универсальный способ постижения метаисторической реальности. История понятий изначально была ориентирована на чрезвычайно широкий междисциплинарный синтез: она не только объединила в себе различные направления исторической науки (социальная, экономическая, культурная история), но и теснейшим образом взаимодействовала с философией, лингвистикой и филологией. История понятий в полной мере соответствует духу постмодернистской эпохи и обнаруживает близкое идейное родство с такими течениями, как англо-американская интеллектуальная история и французская история менталитета. Вместе с тем это оригинальное немецкое течение, которое, несмотря на отдельные скептические оценки, смогло найти весьма плодотворную эпистемологическую нишу.

Ключевые слова: история понятий, социальная история, семантика дискурса, метафоры, метаисторические факторы.

Одной из магистральных тенденций западной мысли XX в. является отказ от построения универсальных схем, характерных для философии XIX в. Первыми критиками метанарратива гегелевского типа стали представители немецкого историзма, которые стремились при осмыслении истории делать акцент не на надындивидуальных схемах, а на индивиде. По словам Вильгельма Дильтея, «человек не имеет истории, он сам есть история» [1, с. 443]. Это ведёт к раздроблению исторического нарратива, к появлению в нем экзистенциальной проблематики, к разработке вопросов исторического сознания и понимания истории. Данная тенденция вызвала формирование истории понятий как самобытного направления немецкой гуманитарной мысли.

Пожалуй, лучший обзор развития истории понятий даёт Ханс Ульрих Гумбрехт. Он отмечает, что первой формой истории понятий были энциклопедии и словари, начавшие издаваться в эпоху Просвещения. Особенно важны были «История философской терминологии» Р. Ойкена и «Словарь философских понятий» Р. Айслера, появившиеся в Германии в конце XIX в. и ставшие той основой, от которой отталки-

валась современная история понятий, расцветшая в 60-х гг. XX в. [8, s. 10–11]

В 1964 г. философ из Мюнстера Йоахим Риттер опубликовал программный манифест нового словаря, который означал существенную «модернизацию» подхода Р. Айслера. Й. Риттер заявил, что границы между системной философией и историей философии больше не существует, а значит, новый словарь должен охватывать весь багаж философских понятий, накопленный с древнейших времён [19]. При этом он ссылаясь, главным образом, на двух авторов – Ханса Блюменберга и Ханса Георга Гадамера. У Блюменберга Риттер позаимствовал мысль о том, что идеально разработанная философская система в картезианском духе будет неизбежно в плену у современного ей языка, следовательно, она будет мертворождённой. Что касается Гадамера, то он в предисловии к своему главному труду «Истина и метод» представил самую серьёзную апологию истории понятий, которая когда-либо исходила от столь авторитетного философа. По его мнению, история понятий не только должна выступить в роли философского фундамента всего гуманитарного знания, но и вобрать в себя прежние теории и функции герменевтики [6, s. 4–5].

Однако затем, во введении к тому 1 «Исторического словаря философии», Й. Риттер и его коллеги-издатели сделали шаг, который, по мнению Х.У. Гумбрехта, предопределил быстрое исчерпание эпистемологического потенциала истории понятий в Германии: они заявили об отказе от включения метафор в словарь [10, Bd. 1, s. 9]. Ансельм Хаверкамп видит в этом отказе консервативную реакцию немецких философских кругов на попытку Ханса Блюменберга посредством его метафорологии размыть грань между логосом и мифом [9]. Блюменберг призывал философов заниматься именно мифическим «субстратом» человеческого сознания, поскольку этот субстрат «пластичнее, изменчивее и чувствительнее к невыразимому». Там находятся «абсолютные метафоры», которые невозможно логически разложить; наоборот, из этих метафор «вырастают» все понятия разума. Абсолютные метафоры имеют свою историю; их история даже важнее, чем история понятий, поскольку она открывает метакинетическую исторических смысловых горизонтов и картин мира, в рамках которых существуют понятия разума [3].

Через несколько лет после выхода первого тома словаря Й. Риттера историк из Билефельда Райнхарт Козеллек возглавил рабочую группу по изданию словаря «Базовые понятия истории. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии» [7]. Козеллек сделал историю понятий по-настоящему междисциплинарной, объединил философский, исторический и лингвистический подходы и тем самым внёс, пожалуй, наибольший вклад в развитие данного направления. В частности, он впервые попытался дать чёткое определение феномену «понятие»: «Слово может стать однозначным, отбрасывая старые

значения. Понятие, напротив, всегда остается многозначным. Понятие прикреплено к слову, но оно есть больше, чем слово. Слово становится понятием, когда совокупность социально-политических значений совмещается в данном единственном слове» [7, Bd. 1, s. XXII].

Далее Козеллек поставил важную проблему соотношения истории понятий и истории событий, языка и реальности. С одной стороны, он отвергал позитивистский постулат о первичности истории событий, с другой – он не разделял и мнение многих философов постмодернизма о том, что «нет ничего, кроме текста». Он указывал на бытийность истории: история как совокупность событий и процессов реальна и происходит непрерывно; ее нельзя свести к языку, к тексту [14, s. 15].

Наряду с языком Козеллек относит к «метаисторическим факторам» целый ряд «естественных условий» жизни: рождение и смерть, смена поколений, пол и размножение, способность убивать других, разделение на «своих» и «чужих», властные иерархии, неравенство сил и ресурсов. Отсюда следуют три базовые бинарные оппозиции, которые стоят у истоков всей человеческой истории: «раньше-позже», «внутри-снаружи», «верх-низ». Козеллек подчеркивает, что всё это – «доязыковые и внеязыковые факторы» истории. Они обуславливают исторический процесс независимо от того, что об этом говорят люди на своих языках [14, s. 33–35]. Таким путём Козеллек приходит к своей основной мысли, которая, впрочем, встречается ещё у Геродота: «Язык говорит об истории всегда больше или меньше того, что действительно происходило. И происходит в истории всегда больше или меньше того, что может быть выражено языком... Язык и история тесно связаны, но полностью никогда не сводимы друг к другу» [14, s. 36]. Понятия и реальность иногда сосуществуют стабильно, иногда изменяются синхронно, но чаще они изменяются с разной скоростью – то понятия опережают реальность, то наоборот [14, S. 62–63].

При ответе на вопрос, как история понятий способна помочь постижению историю событий, Козеллек обратился к теории языковых норм Евгению Косериу [5]. В соответствии с ней Козеллек объявил релевантными для истории событий только те понятия, которые подверглись «институционализации» и стали языковой нормой. Именно ориентированность истории понятий на институализированные и широко применяемые в дискурсивной практике понятия отличает ее от более абстрактной истории идей. Отсюда следует первостепенная роль энциклопедий и словарей как источников истории понятий.

Далее Козеллек обращается непосредственно к языку и отмечает диахронные напластования в нем. Эти напластования есть одновременно результат и возможность истории понятий. Понятие со временем может приобретать новое значение, а старые значения отходят на второй план. Но в какой-то момент старое значение может снова актуализироваться [14, s. 44]. Козеллек вводит термин «базовые понятия» – это

многозначные, спорные, но незаменимые понятия, которые включают в себя ряд элементов прошлого опыта и ряд ожиданий, связываемых с будущим. «Опыт» и «ожидания» – важнейшие элементы теории Козеллека, именно они определяют роль каждого понятия в языке [14, s. 68]. «Опыт» и «ожидания» суть «темпоральные слои», накопленные каждым понятием.

Внимание Козеллека сосредоточено на периоде с 1750 по 1850 г. Он называет его «переломным временем» [11, s. 42], поскольку именно тогда сформировалось большинство понятий, которые остаются базовыми до наших дней: это «прогресс», «история», «реформа», «кризис», «революция» [14, s. 45]. Всё это – «коллективные сингуляры», т. е. слова, которые в единственном числе объединяют в себе множество «частных случаев». Вместо множества историй люди начинают воспринимать историю как единый универсальный процесс [14, s. 67]. Также для этого периода характерно то, что ожидания будущего перестают непосредственно вытекать из прошлого опыта: будущее начинает «проектироваться» силой мысли. Яркий пример тому – появление понятия «коммунизм», которое не коренится ни в каком опыте [14, s. 69]. Козеллек уверен, что именно эти черты мышления нового времени вызвали в жизни тоталитаризм и мировые войны XX в. [11, s. 44].

В определённом смысле история понятия Козеллека – это связующее звено между герменевтикой и историей дискурса: толкование источников ведёт к выявлению значения понятий, а затем понятия выстраиваются в дискурсивные нити и поля. В то же время Козеллек всегда настаивал на самобытности истории понятий и чётко отделял её и от герменевтики, и от дискурс-анализа, и от других теорий в русле «linguistic turn».

Для Козеллека история понятий никогда не была самоцелью, а лишь средством постижения условий возможности исторического процесса. Это подразумевает: история понятий изучает не развитие, а возможность развития, не изменения, а возможность изменений, не историю, а метаисторию. Козеллек подчёркивал тесную связь истории понятий с социальной историей. Оба эти направления сложились в 1950–60-х гг. как пути преодоления абстрактной истории идей и политической истории, господствовавших в немецкой историографии в первой половине XX в. Оба направления отражают характерное для современных гуманитариев стремление подняться над изучаемыми реалиями, встать на некий метауровень. Представители этих двух направлений полагают, что «общество» и «язык» – это именно метаисторические факторы, которые определяют саму возможность истории как явления. Разумеется, такой подход неизбежно требует междисциплинарности, ведь «общество» и «язык» – очень комплексные феномены, выходящие далеко за пределы собственно исторической науки. В то же время необходимо отметить, что социальная история и история понятий ни в коей мере не

претендуют на целостное осмысление истории. Их представители подчеркнуто отвергают универсальные схемы исторического процесса и однозначные толкования смысла истории. Социальная история и история понятий очевидно незавершимы и безграничны, что очень соответствует духу постмодернистской эпохи.

Оба направления имеют структуралистский отпечаток. Они основываются на различении единовременных событий и длительных структур, отдельных высказываний и языка как системы, т. е. их цель – это изучение, постоянное увязывание синхронного и диахронного моментов друг с другом. Наибольшее значение для этих направлений имеет диахронный аспект, т. е. структуры – будь то социальные или языковые – и их изменение, либо их устойчивость, повторяемость [14, s. 9–15, 22–24, 30].

Увлечённость Козеллека социальной историей и тот факт, что крупнейшая в Германии школа социальной истории работала в том же университете, что и Козеллек, – в билефельдском, – не привели тем не менее к конструктивному диалогу между Козеллеком и собственно социальными историками. Их ведущий представитель Ханс-Ульрих Велер утверждал, в частности, что история понятий после Второй мировой войны повторяет путь истории идей после Первой мировой войны – уводит читателя от реальных проблем общества в идеальные гуманитарные миры, т. е. в тупик [24, s. 725]. Другой выдающийся социальный историк Германии Юрген Кокка упрекал Козеллека в отказе от каузальных моделей исторического процесса [12].

Подобные упрёки в адрес истории понятий раздавались не раз. В 1985 г. началось издание многотомного «Словаря социально-политических понятий во Франции 1680–1820 годов». В предисловии к первому тому главный редактор Рольф Райхардт заявил, что словарь Козеллека «Базовые понятия истории» слишком сосредоточен на гуманитарной классике и в результате представляет собой «элитарную» историю идей. В противоположность этому словарь Райхарта особое внимание уделяет социально репрезентативным источникам – прессе, юридическим и делопроизводственным документам [17, s. 78]. Впоследствии Райхардт выступил за использование историей понятий не только письменных, но и визуальных источников, затронув тем самым ещё совсем не разработанную проблему взаимодействия истории понятий и истории искусства [18].

Теория Козеллека вызвала повышенный интерес во Франции – среди историков менталитета в традициях школы Анналов и историков дискурса в традициях Мишеля Фуко [20]. В Германии последователь Фуко Дитрих Буссе, как и Райхардт, предупреждал об опасности превращения истории понятий в историю идей, если история понятий будет слишком сосредоточена на понятиях и не будет учитывать более широкую семантику дискурса, если не будет исследовать конституирование значений

понятий в ходе отдельных речевых актов [4, s. 39]. Что касается взаимосвязи теории Козеллека и школы Анналов, то здесь наиболее примечательны выводы австралийской исследовательницы Ирмлайн Вейт-Браусе. Она полагает, что общими чертами истории понятий и школы Анналов является, во-первых, критическое дистанцирование от истории событий (*histoire événementielle*) и, во-вторых, за счёт этого дистанцирования ориентация на интеллектуальную и социокультурную историю [23].

Исключительное место среди идейных историй понятий занимает англо-американская интеллектуальная история. Основы интеллектуальной истории заложил американский исследователь Артур Лавджой [15], учредивший «Журнал истории идей». В дальнейшем важный вклад в развитие интеллектуальной истории внесли представители кембриджской школы истории политической мысли в лице Квентина Скиннера и Джона Данна. В то время как британские представители интеллектуальной истории сосредотачивают свои исследования по преимуществу в политической сфере, их американские коллеги придерживаются более широкого понимания интеллектуальной истории. В частности, Энтони Грэфтон и Джон Покок занимаются историей исторического сознания.

Скиннер, в отличие от Козеллека, не занимается социальной историей и, более того, высказывает недоверие к любым универсальным теориям социальной динамики [21, v. 1, p. 187]. Прямая полемика Козеллека с американскими коллегами, в частности с Пококом, имела место на конференции в Германском историческом институте в Вашингтоне в 1992 г. Покок заявил в своём докладе, что для него история понятий может быть лишь вспомогательной дисциплиной для разрабатываемой им истории языка и дискурса [16]. Козеллек возразил против подобной иерархизации: по его мнению, история понятий и история дискурса равноправны и неизбежно зависимы друг от друга [13].

Особый феномен немецкой истории понятий – это изданный в 2000-х гг. словарь «Базовые понятия эстетики» [2]. Во-первых, этот словарь был задуман ещё в 80-х гг. в Академии наук ГДР, что было несомненным симптомом либерализации. Во-вторых, этот словарь, изданный через 10 лет после крушения ГДР, все ещё служит оригинальным образцом «материалистической» истории понятий: эстетика, искусство и их понятия увязываются издателями словаря с органами чувств, т. е. рассматриваются с материалистической точки зрения. Х.У. Гумбрехт указывает, что данный словарь является неплохим индикатором состояния истории понятий в Германии через 30 лет после начала издания словаря Риттера: он свидетельствует, что круг вопросов и проблем истории понятий остался тем же; она словно бы застыла, перестала развиваться. Гумбрехт объясняет это следующими особенностями истории понятий:

1. Нерешительность в вопросе соотношения языка и реальности. Никогда история понятий не поддалась целиком ни конструктивизму,

ни «лингвистическому повороту». Благодаря этой нерешительности она не потеряла из виду конкретный мир – в отличие от других гуманитарных направлений, поддавшихся дильтеевскому соблазну герменевтики.

2. Нерешительность в вопросе о том, каким путём история понятий познает историю, что именно она извлекает из источников, насколько конкретны её выводы об истории. Тем самым история понятий оставляла свои эпистемологические возможности открытыми – в отличие от англо-американских «истории идей» и «интеллектуальной истории», а также от французской «истории менталитета», которые ограничивали сферу своей эпистемологии признанием существования независимого «вещного мира». Однако наступление постмодерна означает радикальное изменение хронотопа: время перестало быть линейным, будущее теперь закрыто от настоящего, а прошлое, напротив, не проходит и остаётся в настоящем. Следовательно, базовая теория Козеллека о разделении прошлого опыта и ожиданий будущего перестаёт работать: история понятий утрачивает функцию познания прошлого опыта, поскольку этот опыт и так присутствует в постмодернистском настоящем.

3. Отказ от изучения метафор и всего, что не выразимо в языке, привёл к ориентации исключительно на письменное предание, а это открыло удобную возможность примирения немцев со своим прошлым. В результате для истории понятий стало характерно обхождение нацистского прошлого стороной. Однако изменение «исторического времени» в эпоху постмодерна лишает историю понятий и этой её функции: немецкий народ вынужден нормализовать свои отношения с нацистским прошлым, поскольку это прошлое теперь не является прошлым, а присутствует в настоящем.

При этом именно в изменении хронотопа Гумбрехт видит перспективы для истории понятий: если теперь ничто не исчезает в прошлом, то и история понятий не может исчезнуть. Она будет продолжать своё существование, как и другие направления. По мнению Гумбрехта, в наши дни возрастает интерес к тем сторонам бытия, которые не могут быть до конца выражены языком и понятиями. Следовательно, метафорология, оставаясь до сих пор в тени, могла бы дать новые импульсы для истории понятий [8, с. 27–36].

Данные не вполне благоприятные для истории понятий выводы Гумбрехта встретили в последние годы серьёзную оппозицию в научных кругах Германии, наиболее ярким представителем которой выступил ученик Козеллека Виллибальд Штайнметц. Он заявил, в частности, что «по всему миру многообразные исследования по истории понятий свидетельствуют о жизнеспособности и перспективности данного направления в настоящее время» [22, с. 195].

Широкий спектр литературы по истории понятий в Германии может быть в целом разделён на работы, которые увязывают развитие понятий с развитием экономики и общества (Р. Козеллек), на работы,

которые обсуждают правомерность начальных теоретических положений истории понятий, формулируют правила их прагматического использования либо предпринимают попытки расширить семантику понятий до семантики дискурса (Х.Г. Гадамер, Х. Блюменберг, Х.У. Гумбрехт, Д. Буссе), и, наконец, на исследования отдельных эпох или языков, которые уточняют или обобщают уже имеющиеся данные (Р. Райхардт).

Список литературы

1. Можейко М.А. Историзм // Всемирная энциклопедия: Философия / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., 2001. С. 442–445.
2. Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch in sieben Bänden / hrsg. von Karlheinz Barck. Stuttgart [u.a.], 2001–2005.
3. Blumenberg H. Licht als Metapher der Wahrheit. Im Vorfeld der philosophischen Begriffsbildung // Studium Generale. 1957. Nr. 10. S. 432–446.
4. Busse D. Historische Semantik. Analyse eines Programms. Stuttgart, 1987.
5. Coseriu E. Synchronie, Diachronie und Geschichte. Das Problem des Sprachwandels. München, 1974.
6. Gadamer H.-G. Gesammelte Werke // Unveränderte Taschenbuchausgabe. Tübingen, 1999. Bd. 1. Hermeneutik: Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik.
7. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck: in 8 b. Stuttgart, 1972–1997.
8. Gumbrecht H.U. Dimensionen und Grenzen der Begriffsgeschichte. München, 2006.
9. Haverkamp A. Metaphorologie zweiten Grades: Unbegrifflichkeit, Vorformen der Idee // Metaphorologie. Zur Praxis von Theorie / hrsg. von A. Haverkamp und D. Mende. Frankfurt am Main, 2009. S. 137–152.
10. Historisches Wörterbuch der Philosophie / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer und G. Gabriel. Basel, 1971–2007. Bände 1–13.
11. Hoffmann S.-L. Reinhart Kosellecks Historik // ZeitRäume. Postdamer Almanach des Zentrums für Zeithistorische Forschung / hrsg. von M. Sabrow. 2010. S. 42–54.
12. Kocka J. Preußischer Staat und Modernisierung im Vormärz. Marxistisch-leninistische Interpretationen und ihre Probleme // Sozialgeschichte heute. Festschrift für Hans Rosenberg zum 70. Geburtstag / hrsg. von H.-U. Wehler. Göttingen, 1974. S. 211–227.
13. Koselleck R. A Response to Comments on the Geschichtliche Grundbegriffe // The Meaning of Historical Terms and Concepts / ed. by H. Lehmann and M. Richter. Washington D.C., 1996. P. 59–70.

14. Idem. Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. 1. Auflage. Frankfurt am Main, 2006.
15. Lovejoy A. The Great Chain of Being: a Study of the History of an Idea. Cambridge, Mass., 1953.
16. Pocock J. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter // The Meaning of Historical Terms and Concepts. P. 47–58.
17. Reichardt R. Einleitung // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820 / hrsg. von R. Reichardt und E. Schmitt. München, 1985. Heft 1/2. S. 39–148.
18. Idem. Wortfelder – Bilder – Semantische Netze. Beispiele interdisziplinärer Quellen und Methoden in der Historischen Semantik // Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte / hrsg. von G. Scholtz. Hamburg, 2000. S. 111–134.
19. Ritter J. Zur Neufassung des „Eisler“ – Leitgedanken und Grundsätze eines Historischen Wörterbuches der Philosophie // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1964. Nr. 18. S. 704–708.
20. Robin R. Histoire et Linguistique. Paris, 1973.
21. Skinner Q. Visions of Politics. Cambridge, 2002.
22. Steinmetz W. Vierzig Jahre Begriffsgeschichte – The State of the Art // Sprache – Kognition – Kultur / hrsg. von H. Kämper und L. Eichinger. Berlin, 2008. S. 174–197.
23. Veit-Brause I. A Note on Begriffsgeschichte // History and Theory. 1981. No. 20. S. 61–67.
24. Wehler H.-U. Geschichtswissenschaft heute // Stichworte zur «Geistigen Situation der Zeit». Frankfurt am Main, 1979. Bd. 2. Politik und Kultur. S. 709–753.

THE CONTROVERSY ON THE QUESTIONS OF THE HISTORY OF CONCEPTS IN GERMANY

A.V. Gorobiy

Tver State University, Tver

The history of concepts is a specific school of the humanities, which emerged in the second half of the 20th century as an attempt of the German humanists at conceiving a universal way of studying the metahistorical reality. The history of concepts was initially directed to an extremely vast interdisciplinary synthesis: it has not only integrated different school of historical thought (social, economic, cultural history), but also involved philosophy, linguistics and philology into a very close cooperation. The history of concepts is absolutely in line with basic trends of the postmodern era and displays a near relation to such schools, as the Anglo-American intellectual history and the French history of mentalities. At the same time it is an original German school, which, de-

spite some skeptical opinions, has managed to find quite a fertile epistemological ground.

Key words: *history of concepts, social history, semantics of discourse, metaphors, metahistorical factors.*

Об авторе:

ГОРОБИЙ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, соискатель кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет». Email: alexogor@mail.ru.

GOROBIY Alexey Victorovich – Ph.D., Ph.D. student of the Department of Philosophy and Culture Theory, Tver State University. Email: alexogor@mail.ru.